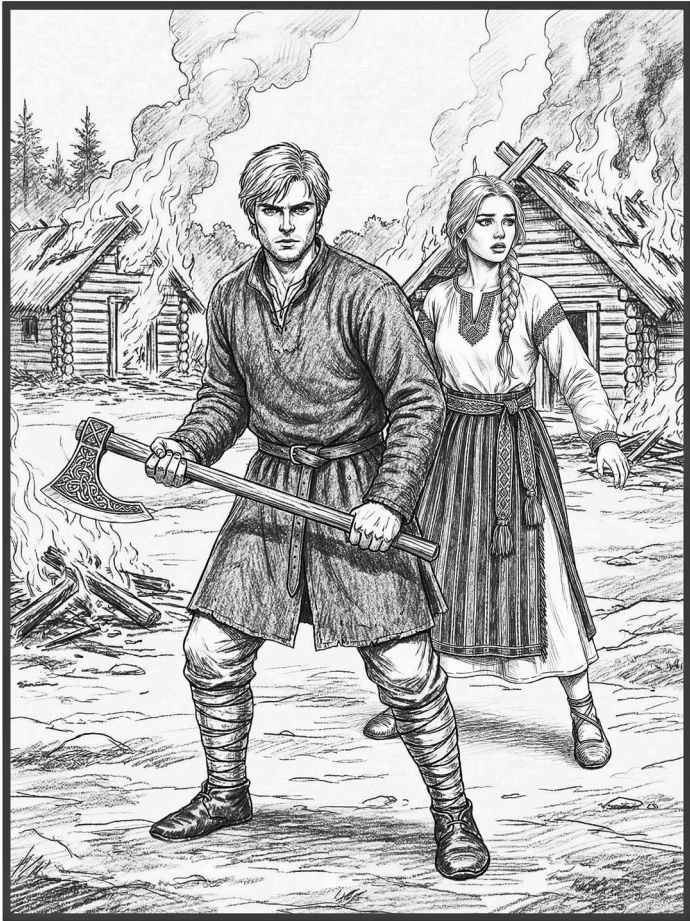

◆ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ: ◆

- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего Олега
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ведьмины камни
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари
●
МАЛУША. За краем Окольного
●
МАЛУША. Пламя северных вод
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Клинок трех царств
●
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Змей на лезвии

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

ОГНЕННЫЕ ПТИЦЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*
Иллюстрация на переплете *Нatalьи Анисковой*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга. Огненные птицы / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-236134-0

Земля Русская, 950 год.

Юный древлянин Берест видит десятки мертвецов на свежей могиле князя Ингвара: то мстит убийцам мужа княгиня Эльга. Теперь военная гроза обрушится и на дом Береста. Потеряв всех родных, он будет жить только жаждой мести, а виновным наречет Люта, младшего сына воеводы Свенельда.

Семнадцатилетний Лют, возвращаясь в Киев из Царьграда, узнает страшные вести: князь Ингвар погиб в земле Деревской, державе грозит развал, а его старшего брата Мистину считают предателем. . . Найдя поддержку друг в друге, два сына покойного Свенельда берутся за дела, из которых первое — месть за князя.

Не раз дороги Древлянской войны сведут Береста и Люта, за каждым из которых своя правда. И последний меч Ингвара, потерянный в час гибели, еще вернется с речного дна: нанести губительный удар.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дворецкая Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-236134-0

Часть первая

В последний миг Маломир все понял. На свою беду — уж лучше бы он ушел к дедам в светлый Вырей с тем чувством победного ликования, с каким пировал на свежей могиле врага. Без этого смертного ужаса..

Ингорева вдова, Ольга, сидела напротив Маломира — будто лебедь, вся в белом. Лицо ее, застывшее, бесстрастное, было почти таким же бледным, как обвивавший голову и шею белый шелковый убрus. Лишь отблески костра бросали на ее одежду красные пятна. Причитала она не много — ровно столько, сколько нужно по обычаю. Маломир и другие деревские нарочитые мужи, приглашенные киевской княгиней на поминальную страву по ее супругу, увидели в этом добрый знак: она оставляет в прошлом свое первое замужество и готова подумать о новом. Да и что ей остается: муж погиб, Киеву грозит война с Деревской землей, сын Ольги — еще отрок, да и сидит где-то на дальнем краю света. Свенельд, столько лет правивший на берегах Ужа, мертв..

В смерти Свенельда древляне были неповинны, и у Маломира, казалось бы, не имелось особых причин опасаться его старшего сына. Мистина Свенельдич и сейчас держался как друг — подсел к нему, сам наливал меда, взяв кувшин у кого-то из Ольгиных отроков. Длинным боевым ножом с белой костяной рукоятью доставал с блюда кусок жареного мяса, наколов на острие, подал Маломиру на куске хлеба, а киевский отрок, почтительно склонившись, держал перед ними солонку — да не простую, а из чистого серебра.

Поминальную страву готовят единую для живых и мертвых, но мертвые не употребляют соли, поэтому живые свою часть солят уже прямо перед едой. Ольга привезла из Киева целый воз дорогой посуды и утвари: деревянные старейшины дивились, разглядывая поливные кувшины и расписные блюда — где олени, где птицы, где рыбы или даже пятнистый зверь пард. Серебряные, с позолотой, с резьбой, с самоцветами чаши и кубки — частью купленные у греков, но в большинстве взятые как добыча из Греческого царства еще десять лет назад. Вот как киевские князья живут, собирая дань с десятка племен и торгуя со всем белым светом! Разгорались глаза, невольно думалось — скоро все эти диковины Золотого царства будут наши. А какие припасы привезла Ингорева вдова! Бычка, свиней, овец, кур — без счета. Печеный хлеб, крупа для каши, мука для блинов — коробами. Пиво, стоялый мед и красное греческое вино — бочонками. И все это лилось рекой в подставленные кубки — древляне едва успевали опустошать их.

Мистина поднял свой кубок, тоже серебряный, навстречу кубку Маломира, снова предлагая выпить вместе. Кубок он держал в левой руке, а правой почти по-родственному приобнимал Маломира за плечи. Нарочитые мужи рядом уже тянули свадебную песню — в их мыслях свадьба Маломира с Ингоревой вдовой была совсем близка. Маломир отпил, опустил кубок, повернул голову к Мистине.

— Вот так.. — Он с трудом собирался с мыслями, но хотел непременно сказать то, что вертелось в голове, и кивнул на Эльгу. — Подловили мы.. лебедь белую..

Княгиня подняла голову и посмотрела прямо на него, хотя едва ли могла слышать эти слова в нестройном шуме попойки.

— Верно же? — Маломир взглянул на Мистину. — Был ты мне раз сватом.. с Олеговной.. другой раз будешь..

— Истовое твое слово, — улыбнулся тот, и жесткое лицо его от улыбки сделалось ясным и привлекательным, будто солнце.

Лишь взгляд серых глаз, при огне почти черных, вдруг изменился. Из дружелюбного он стал сосредоточенным и безжалостным.

В этот миг Маломир все понял. Понял, что совершил ужасную, непоправимую ошибку, когда согласился пировать на этой страве по своему врагу. Когда сел на кошмы у подножия свежей могильной насыпи вместе с русами — уже второе поколение непримиримыми врагами деревского рода. Зеленая лужайка обернулась губительной топью, но ты уже по плечи в ней и не то что выбраться — крикнуть не сумеешь.

Но сделать он ничего не успел. Не сумел даже увидеть, как кубок Мистины покатился по земле, а его место в руке занял скрамасакс с рукоятью белой кости. Лишь ощутил сильный удар под дых, но не понял, что он нанесен клинком. В глазах потемнело, и вместе с пронзительной болью навалилась черная бездна. Тьма поглотила лицо Мистины с безжалостной сосредоточенностью в глазах. Тот смотрел уже отстраненно: не как на живого человека — как на бревно или камень под ногами.

Свенельдич-старший выдернул нож, и Маломир свалился лицом вниз ему под ноги, прямо на блюдо с остатками жертвенного мяса. Пение смолкло, со всех сторон зазвучали крики. Мистина вскинул правую руку и ловко подхватил в воздухе рукоять меча, брошенного ему отроком-оружничим, — мечи и секиры были в последней бочке вместо пива, и он сам неприметно подал знак, что пора ее вскрывать. И тут же обрушил клинок на шею еще кого-то из древлян, сидевшего с другой стороны. Кровь потекла по кошмам, красные лужи стали расплзаться между блюдами, упавшими кубками, краяхами хлеба, полуобглоданными костями.

Древляне почти не сопротивлялись. Уже сильно пьяные, объевшиеся, осоловелые, они не имели при себе оружия, кроме коротких поясных ножей. Иные успели задремать, привалившись к плечу соседа или прикорнув на земле; секиры в руках Ольгиных отроков или меч кого-то из тело-

хранителей Мистины делали их сон вечным. Другие, едва успев вскинуть голову, привстать, получали лезвием по незащищенному черепу, по шее, по плечам. Умирали, даже не успев понять, что происходит.

Перепрыгивая через мертвых и умирающих, русы без задержки обрушивались на нового врага. Числом они уступали древлянам более чем втрое — Маломира сопровождали около полусотни деревских нарочитых мужей с родичами, а Ольга привезла неполных два десятка отроков, чтобы служить им на пиру. С Мистиной было четверо оружников-телохранителей — мужчине такого рода и положения не к лицу показываться без них. И вот уже у них, трезвых и стремительных, оказалось у каждого на счету по двое-трое убитых древлян..

Среди кровавого буйства Эльга оставалась неподвижной — сидела на прежнем месте, сложив руки на коленях, лишь прикрывала глаза, когда клинок пронесся вблизи ее головы или чье-то тело падало пообок. И думала: если я сейчас умру, то буду знать, что исполнила свой долг. Без стыда взгляну Ингвару в глаза.. Страха не было. Главный страх — что гибель мужа приведет к скорому крушению всей созданной их браком державы, оставит ее сына без наследия, погубит славу и завоевания предшественников — привел ее сюда. И вот она сумела нанести удар. Отомстила за мужа, спасла честь рода. С этим не стыдно умирать. А для дальнейшего у нее есть сын. Святославу тринадцать — он уже мужчина и получил меч.

Мистина заранее велел Эльге во время боя оставаться на месте, чтобы случайно не попасть кому-нибудь под руку. Поначалу он настаивал, чтобы она ушла от могильной насыпи до того, как все начнется, но она отказалась.

— Если я исчезну с глаз, древляне насторожатся. Пока я среди них, они будут спокойно пить и радоваться своей победе. И я.. я хочу видеть, как мой муж будет отомщен.

Она сказала это твердо, как о чем-то хорошо продуманном, и Мистина не стал спорить. Он боялся за нее, но сей-

час не смел возражать. Только-только она вернула ему часть прежнего доверия, и оно казалось ему слабым и хрупким, как едва проклюнувшийся огонек на полоске бересты, раздутый из искры. Она хотя бы снова верит, что он на ее стороне. Пусть будет как она хочет.

— Я не могу этого сделать сама. — Она взглянула на него почти с мольбой. — Но я хочу видеть, как это делаете вы...

«Это сделаешь ты», — говорил ее взгляд. И то, что она доверила его рукам их общую месть, Мистина принимал как величайшую награду. Вручи она теперь ему всю дань деревскую — это была бы пыль перед таким священным правом.

— Будь по-твоему. — Мистина склонил голову. — И ты не с чужих слов будешь знать, что я...

«Что я не предатель», — хотел он сказать, но не мог вымолвить это слово. Как будто, услышав его, Эльга еще могла передумать.

Вдруг еще одна женщина, тоже одетая в белое, с криком бросилась к ногам Эльги. Она не смела поднять головы и прижималась лицом к подолу киевской княгини, будто дитя, прячущееся в коленях матери. Впервые шевельнувшись, Эльга положила руку ей на плечо. Не то пытаюсь удержать на месте, не то обещаю: если мы умрем, то умрем вместе. Это была ее внучатая племянница, Предслава Олеговна, княгиня деревская. Ее муж, Володислав, оставался с детьми в Искоростене, а она приехала с его дядей и соправителем, Маломиром, на эту страву по Ингвару: он приходился родным братом ее матери. Восемь лет назад брак Предславы с Володиславом был заключен в надежде на мир между русью и древлянами. И вот к чему привели все усилия: Ингвар мертв, Маломир тоже, и само небо кровавым дождем падало на голову двадцатидвухлетней княгини.

Когда Предславу подняли, уже все было кончено. Стихли крики и предсмертные вопли, треск посуды под ногами. Везде вокруг могильной насыпи вповалку лежали тела

в нарядной крашеной одежде. Деревские передние мужи оделись в лучшее ради торжества над своим врагом, а теперь предстанут в этом перед владыками Нави. Кияне Эльгиной дружины явились сюда в белой «печальной» одежде, и теперь эта белизна у каждого, не исключая и женщин, оказалась густо окрашена деревской кровью.

— Славуня, вставай! — Эльга обняла Предславу, не давая ей вновь упасть: бедняжку не держали ноги. — Опомнись! Все кончено! Эй, дайте кто-нибудь воды! Причитать некогда, ехать пора! Потом поплачешь. В седле сможешь держаться? Или найти кого, чтобы тебя везли?

Один из оружников Мистины с готовностью сделал шаг вперед: датчанин Алдан ждал поблизости на случай, если младшей из двух княгинь понадобится помощь.

— Нет, я не поеду с вами! — Предслава говорила с трудом, подавляя рыдания и судорожно сглатывая. Потрясение не давало ей даже заплакать. — Куда же я.. мне домой надо.. в Искоростень..

— Ты хочешь вернуться? — Эльга нахмурилась. — К чему? Ты теперь будешь им кровным врагом. Поедем со мной, тебе же безопаснее.

— А дети? — Предслава отчасти взяла себя в руки и взглянула ей в лицо. — Они же дома остались! Куда я от них уеду! Что с ними будет без меня!

«А что будет с ними и с тобой?» — мысленно ответила Эльга и вопросительно взглянула на Мистину.

Он как раз подошел к ним: меч его уже был вытерт и убран в ножны на плечевом ремне. Белый кафтан от крови стал черно-красным: первое пятно от той струи, что упала ему на грудь, когда он выдернул клинок из груди Маломира, уже скрылось под новыми потеками и брызгами. Лицо его без слов говорило: медлить нельзя. Малой княгининой дружине предстояло сделать два конных перехода по чужой враждебной земле.

— Она не хочет ехать! — сказала ему Эльга. — Но как я могу ее здесь оставить?

— Она — их княгиня, и муж ее жив, — напомнил Мистина. — И если она не хочет ехать.. Прикажи, и она уедет. — Он кивнул и взглянул на стоявшего вблизи Алдана.

— Нет, не неволь меня, я должна вернуться к детям! — Предслава умоляюще вцепилась в руку Эльги.

У нее стучали зубы: она еще не осознала всех возможных последствий избоища на страве, но стремление быть с детьми и оберегать их побеждало и ужас, и разум.

Мистина сделал Эльге знак глазами: лучше заберем ее, хотел он сказать, и Эльга с облегчением отметила, что вновь понимает его без слов. Будто и не было этой разлуки, когда он поневоле сидел в Деревской земле и даже делал вид, будто держит руку ее мятежных владык, а она напрасно ждала его в Киеве, не в силах опровергнуть наветы.

— К чему неволить! — Эльга вздохнула. — Всякому своя судьба. Если ты уверена.. Но пойми! — Она взяла Предславу за плечи. — Если мы сейчас разойдемся, я больше ничего не смогу для тебя сделать, никак помочь, пока..

— Пусть! Но я сама в Киеве умру, если буду знать, что чада мои там одни среди чужих..

— Поехали! — Мистина взял Эльгу за локоть, собираясь вести с могильной насыпи к лошадям. — Время дорого.

Эльга обняла Предславу на прощание, Мистина бегло поцеловал ее — до замужества Предслава росла в доме его отца. Но мысли его уже были от нее далеко: она выбрала свою дорогу, а ему предстоял еще долгий путь по своей.

Мистина увел Эльгу, посадил в седло. Его и Эльгины отроки спешно рассаживались по коням, перекрикивались десятские, проверяя своих людей и докладывая о готовности в путь.

Предслава одна осталась близ свежей насыпи. Из живых — одна. Она стояла, бессильно уронив руки и глядя вслед быстро удалявшейся дружине. Вскоре киян поглотила ночная тьма, и лишь грохот копыт еще отдавался над лугом, на дороге вдоль речки Иржи. Но вот затих и он,

и наступила тишина. Будто сама жизнь умчалась прочь от нее. Навеки...

Из сотни дышащих, говорящих, поющих, смеющихся людей осталась лишь Предслава. Не верилось, что совсем недавно, в сумерках, здесь звучали голоса, звенели кубки, рокотали струны гуслей и смычков. Полсотни мертвецов усеивали землю вокруг нее, и она не знала, как выйти из их кольца, ни на кого не наступив. Мертвецы будто взяли ее в полон, и ей хотелось кричать вслед уехавшим, молить, чтобы вывели ее из этого жуткого круга.

Но поздно кричать. Она выбрала свою судьбу. Как и Маломир, когда вздумал свататься к вдове погубленного его руками Ингоря Киевского. Как вся земля Деревская, что надеялась этим убийством вернуть давно утраченную свободу.

Эти реки крови, что стекли на свежую могильную землю, пролил лишь первый взмах киевского меча. Вслед за ним поднимутся еще тысячи клинков, и удара их не отвратить никому...

* * *

Младший сын Свенельда, Лют, плохие новости узнал в Витичеве. Еще на пристани, пока люди выгружались из лодий, здороваясь с Тормаровыми отроками, он заметил: местные как-то странно на него поглядывают. Кто-то из здешних оживленно что-то рассказывал прямо у сходов — слышались изумленные восклицания. Лют хотел подойти, но Кручай, Тормаров тиун, тронул его за плечо:

— А ты, Свенельдич, к боярину ступай. Велел сразу, как с лодьи сойдешь, к нему тебе идти.

Лют обернулся и увидел Бернишу — одного из Тормаровых телохранителей. Тот кивнул, приветствуя его, и знаком показал: пойдём.

Встречные тарасили на него глаза — не то удивленно, не то опасливо. Под этими взглядами Лют чувствовал себя

выходцем с того света. Так, бывает, встречаются чужаков в разных глухих углах, но не в Витичеве же — крепости, где живет половина большой княжеской дружины и где купеческие обозы в Царьград и Самкрай проходят по шесть раз в год!

— У меня что, хвост вырос? — пробовал пошутить Лют, но Берниша не засмеялся, а только покрутил головой.

Все это было очень странно. Никто даже не спросил у него о новостях Греческого царства, как обычно бывает, когда царьградский обоз возвращается сперва в Витичев, а потом в Киев. Оглянувшись от ворот, Лют увидел на пристани у лодий своих спутников-купцов: они стояли кружком и слушали, о чем им повествует Кручай. Вместо того чтобы самим рассказывать, как там Царьград, как Болгарское царство, как уличи, печенеги, как прошли пороги, что купили да почем... «Не окрестился там? Невесту себе не раздобыл за морем? — шутливо спрашивали его в последние года два. — Дочерей царевых не видал?» Сегодня не спрашивали ни о чем.

Воевода Тормар ждал в гриднице. Его, одного из ближайших приятелей отца, Лют знал с раннего детства, и хотя княжья служба развела бояр — одного к древлянам на запад, другого в крепость на юг от Киева, — тем не менее они виделись несколько раз в год: на пирах у князя или когда случался поход. Тормар, сын Руалда, одного из бояр Олега Вещего, рослый мужчина, был украшением и ратного поля, и княжеских пиров — с ясным лицом, густыми, красиво лежащими русыми волосами и такой же густой, окладистой, но рыжей бородой. Немного близко посаженные глаза придавали ему озабоченный вид. И в волосах, и в бороде его уже белела седина, но Лют, привыкший к нему с детства, заметил ее только сейчас. Наверное, потому, что серые глаза воеводы смотрели на него с непривычной суровостью.

— Будь жив, Свенельдич! — Тормар встал, сделал несколько шагов ему навстречу и обнял.

Но, несмотря на это теплое приветствие, Лют видел боярин как будто смущен этой встречей, не знает, как держаться, будто ему вместо давно знакомого парня явилась птица Сирина.

— Как у вас? — продолжал Тормар. — Как съездили? Все живы?

— Слава богам. А как здесь? От отца что слышно?

Едва задав этот вопрос, Лют заметил, как Тормар переменялся в лице. Давно зревшее беспокойство захлестнуло душу.

— Садись. — Тормар кивнул ему на скамью возле своего хозяйского сиденья. — Ничего еще не слышал?

— Ничего такого, нет, — подавляя тревогу, ответил Лют. — Что случилось-то?

Тормар глубоко втянул воздух и опустил широкие ладони на колени — будто отталкивался перед прыжком.

— Держись, Свенельдич. — Он глянул на Люта, словно пытаюсь взглядом передать ему твердости. — Осиротел ты... и мы все тоже. Твой отец погиб. На лову его медведь заломал, вскоре после Купалий. А как приспела осень... князь наш, Ингорь, убит был древлянами. По зимнему пути будет у нас поход в Деревя, княгиня и брат твой уже велели дружину готовить. С полян и то ратников собираем.

В один миг узнать о смерти и отца, и князя — это было слишком много для парня неполных восемнадцати лет. В ушах зазвенело, кровь бросилась в лицо, загорелись даже уши. Лют сидел, будто секирой по шлему получив. Мысленно повторял услышанное и пытался уразуметь значение этих понятных слов. Отец погиб на лову... а князя убили древляне... будет поход...

В груди нарастала боль, смешанная с ужасом. Лют любил своего отца. Свенельд не отличался отеческой нежностью, но к младшему сыну был строг и справедлив, а какой еще надо доброты? Главное, растил и воспитывал его для важных дел, а не для возни по хозяйству, что было обычной долей для детей челядинок. Это его товары — дерев-

скую дань — Лют уже три года возил в Царьград продавать. В голове грохотало, как будто там сталкивались грозные тучи. Боль потери, страх перед неизбежными и грозными переменами — для него самого, для всей земли Русской.. Ведь сын Ингвара, Святослав, еще отрок — всего год как меч получил. Кто теперь станет вождем руси? Кто будет править огромной державой, раскинувшейся от низовий Волхова до устья Днестра?

— Ты не медли, — добавил Тормар, глядя на него с сочувствием. — Брат небось ждет тебя..

— А он как? — с трудом выговорил Лют.

— Да.. Вернулся наконец. Я видел его — три дня тому. Княгиня его привезла назад, как ездила на могилу Ингвореву.. А до того его все лето в Киеве не видали и.. болтали всякое.

— Какое — всякое?

— Да будто бы его древляне хотели на свою сторону перетянуть и против князя биться заставить.

— Что-о? — Лют вытаращил глаза. — Они рехнулись?

Это было все равно что попытаться заставить орла жить в болоте и питаться пивяками. Мистина Свенельдич, старший сводный брат Люта, с детства был побратимом Ингвара и ближайшим его соратником. Заставить его выступить против князя — все равно что поссорить Ингвара с его собственной правой рукой.

— Я об этом мало что знаю. — Тормар нахмурился, не желая углубляться в слухи и сплетни. — Языком зря трепать не хочу. Поезжай в Киев, там все узнаешь.

До Киева оставалось два перехода по реке. Или один конный, если конь и всадник хороши. Но не гнать же среди ночи! Уехать раньше завтрашнего дня было нельзя, и Лют остался, как обычно, ночевать, но почти не спал. В дружинной избе было непривычно тихо: придавленные тревожными новостями, отроки почти не болтали, а поели и улеглись спать. Все знали, что завтра придется приналечь на весла. Кольбран, старший над всей дружиной, долго еще